

ПИСЬМА А. А. ФЕТА С. А. ПЕТРОВСКОМУ И К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

*Подготовка текста, публикация,
вступительная заметка и примечания В. Н. Абросимовой*

Общее представление о литературной репутации Фета выразил Давид Самойлов: <...> В его судьбе навек отделена // Божественная музыка поэта // От камергерских знаков Шеншина¹. Почти непроницаемая грань между поэзией и «прозой жизни», пагубно отразившаяся на эпистолярном стиле Фета (быть может, никто из русских поэтов того времени не писал прозой так неряшливо, как Фет), была отчасти связана с тем, что на время его литературной молодости пришлось резкое падение читательского интереса к поэзии: проза занимала наступательные, поэзия — оборонительные позиции². Впрочем, в жизни лирик и коннозаводчик не противостояли друг другу, а мирно сосуществовали, образуя «одинъ сложный, но цѣлостный характеръ. Одна половина — это самый нѣжный, самый крылатый, недоступный даже легчайшему прикосновению житейскаго, ангелоподобный поэтъ <...> Другая половина — это „великій знатокъ практической жизни“, полковой адъютантъ и гвардейскій штабъ-ротмистръ, прижимистый помѣщикъ средней руки и заядлый хозяинъ. Можно подумать, что сама судьба рѣшила окончательно разъединить эти двѣ и безъ того различныя половины, надѣливъ одну именемъ Фета и присвоивъ другой фамилию Шеншина. Фетъ и Шеншинъ сблизились, но не совпали въ одномъ лицѣ и такъ всю жизнь прошли рядомъ, двумя параллельными путями, ни въ чемъ не соглашаясь, никогда не разлучаясь»³.

Фет начал постигать азы современного сельского хозяйства в начале 60-х годов, когда поселился в имении Степановка Мценского уезда Орловской губернии. Он хотел вернуть себе фамилию Шеншина, подтвердив трудом на земле свое право быть дворянином⁴. Известие о грядущей перемене в образе жизни Фета было с радостью встречено его друзьями. Л. Н. Толстой писал ему 23.II 1860: «Нашему полку придется, и придется отличный солдат. Я уверен, что вы будете отличный хозяин»⁵. Несколько месяцев спустя (20.VI 1860?) Толстой ободрял Фета: «Писатель вы, писатель и есть, и дай бог вам и нам. Но что вы, сверх того, хотите найти место и на нем копать, как муравей, эта мысль не только должна была прийти вам, но вы и должны осуществить ее лучше, чем я»⁶. Постепенно сельское хозяйство стало для Фета главным делом его жизни. 19.X 1862 он признавался Толстому: «Я люблю землю, черную рассыпчатую землю, ту, которую я теперь рою и в которой я буду лежать <...> Сегодня засадил целую аллею итальянских тополей аршин по 5 ростом и рад, как ребенок»⁷. По словам Д. С. Дарского, «своею хозяйственною дѣятельностью, энергіей и опытомъ Фетъ гордился не менѣе, чѣмъ своими стихотвореніями»⁸.

Именно в это время Фет стал выступать в печати как публицист⁹. Поначалу реакция была в основном благожелательной. Проза Фета, по собственному признанию Тургенева, доставила ему «значительное удовольствие. Правда, просто и умно рассказанная, имеет особенную прелесть»¹⁰. Однако тот же Тургенев в письме Фету от 23.IX (4.IX) 1862 дал адресату неллицеприятную характеристику, лишь отчасти смягченную

иронией: «Я убедился, что человеку нужно еще что-то, сверх хороших видов и старых деревьев — и, вероятно, Вы — закоренелый и остервенелый крепостник, консерватор и поручик старинного закала — даже Вы согласитесь со мною, вспомнив, что Вы в то же время поэт — и, стало быть, служитель идеала»¹¹. А в апреле 1863 г. об очерках «Из деревни»¹² Щедрин отозвался так: «<...> г. Фет скрылся в деревню. Там, на досуге, он отчасти пишет романсы, отчасти человеконенавистничает; сперва напишет романс, потом почеловеконенавистничает, потом опять напишет романс и опять почеловеконенавистничает, и все это, для тиснения, отправляет в „Русский вестник“»¹³.

По своему мировоззрению Фет с годами все больше тяготел к тем кругам охранителей российского самодержавия, мнение которых выражали издания М. Н. Каткова¹⁴. В «Русском Вестнике» печатались рассказы¹⁵, заметки¹⁶ и статьи¹⁷, подписанные именем Фета и псевдонимом Деревенский Житель. «Друг мой, — предупреждал его Тургенев, когда Фет полностью поддержал Каткова по вопросу о школьной реформе, направленной против „кухаркиных детей“, — обожание „Московских ведомостей“ должно быть, однако, соединено с некоторой долей самостоятельности — а то ведь как раз можно заговорить „аллилуйским“ языком»¹⁸. Идеологическое «правление» Фета особенно усилилось после того, как 26.XII 1873 Александр II дал «Сенату <...> указъ о присоединении отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра Аѳ. Аѳ. Фета къ роду отца его Шеншина со всѣми правами, званію и роду его принадлежащими»¹⁹. Понимая, что разрыв неминуем, Тургенев со всей откровенностью отчеканил: «<...> как Фет, Вы имели имя, как Шеншин, Вы имеете только фамилию»²⁰. Эти слова старого знакомого не только не охладили Фета, но даже, кажется, помогли ему оформить свою позицию: «Фет существует только в литературе»²¹.

Фету казалось, что он стоит в стороне от политических баталий. 31.III 1890 он писал художнику И. С. Остроухову: «<...> я не принадлежу ни къ одной изъ враждующихъ между собою партій и не добиваюсь всеобщаго сочувствія, такъ какъ пишу главнымъ образомъ изъ желанія высказать то, что просится изъ души»²². На деле же Фет страстно реагировал на любое, даже незначительное событие, если оно затрагивало его представления об идеальном устройстве общества, и тем самым всякий раз недвусмысленно обнаруживал свою политическую ориентацию. Словно не замечая, как «Московские Ведомости» травят Толстого, Вл. Соловьева, Н. Я. Грота и других, Фет с глубоким уважением относился к редактору этой газеты С. А. Петровскому, так же как раньше относился к Каткову²³. Он всецело доверял опыту Петровского, его политическому чутью и даже позволял ему свободно править свой текст. 11.X 1891 Фет сообщил Полонскому: «Третьего дня, когда отдавал визит Петровскому вместе со статьейю в „Моск. ведомости“, я разрешил ему полное владычество над жизнью и смертью моего детища; он воскликнул, что я известен своею терпимостью ко всяким замечаниям о моих произведениях»²⁴.

По своим взглядам Фету был близок и другой его адресат — К. Н. Леонтьев. В нем Фет ценил не только тонкого, блестящего критика, но и философа, видевшего спасение России в возрождении византийской духовности, в сильной монархической власти и национальной самобытности, замешанной на церковно-монашеском христианстве. Фет высоко отзывался о работах Леонтьева — так, 26.VII 1889 он писал В. С. Соловьеву: «Не знаю, прочли ли Вы прекрасную брошюру К. Н. Леонтьева: „Народная политика как орудие революции“. Чрезвычайно тонко и умно»²⁵. Со своей стороны, Леонтьев относился к творчеству Фета неоднозначно: ранние произведения поэта он

решительно противопоставлял поздним: «Я желал, чтобы повести мои были похожи на лучшие стихи Фета, на полевые цветы, собранные искусной рукой в изящно-бледный и скромно-пестрый букет»²⁶; «Продолжаю радоваться за Фета и сызна с большим удовольствием и чувством перечитывал все эти дни его старые (т. е. молодые) стихи; но его „Вечерними огнями“ восхищаться, как другие, решительно не могу!»²⁷ Возможно, если бы Фет об этом догадывался, он не отправил бы Леонтьеву своего последнего стихотворения «на случай» и не написал бы ему двух ниже публикуемых писем, связанных с работой над стихотворным посланием греческой королеве Ольге.

Все письма записаны под диктовку Фета; в каждом есть его собственноручная приписка и подпись.

В. Н. Абросимова

И. А. А. Фет — С. А. Петровскому²⁸

1

Декабря 2, 1887²⁹.

Милостивый Государь
Сергѣй Александрович!

Независимо отъ политическаго значенія передовыхъ статей покойнаго Михаила Никифоровича³⁰ въ Московск<ихъ> Вѣдом<остяхъ>, журналъ этотъ исполненъ былъ для насъ, провинціаловъ, высокаго интереса по своей отзывчивости на наши сельскія нужды. По ширинѣ своего кругозора покойный Катковъ хорошо понималъ, что всѣ, на видъ иногда мелкія, правительственныя мѣропріятія составляютъ для нашего брата, деревенскаго жителя, самый жгучій и интересный вопросъ, перерѣзая во многихъ случаяхъ самый дыхательный снарядъ. Поэтому Москов<скія> Вѣдом<ости> были единственнымъ прибѣжищемъ всякаго рода провинціальнымъ откликамъ на существующіе или возникающіе въ этой области вопросы. Надо замѣтить, что въ послѣднее время все возрастающее со смерти Леонтьева³¹ бремя разнообразныхъ заботъ, вызывая застой и шатаніе, въ редакціи Москов<скихъ> Вѣдом<остей>, ставили протестующихъ съ ихъ статьями въ самое тяжелое положеніе, скажу не обинуясь, къ немалому ущербу дѣла. Иногда нѣсколькихъ словъ чловѣка, близко стоящаго къ дѣлу, достаточно для того, чтобы освѣтить всю несостоятельность мѣръ, принимаемыхъ людьми, знакомыми съ дѣломъ только на бумагѣ. Приемъ издателей привлекать читателей поблажкою наихудшимъ страстямъ дотога избить, что самъ собою указываетъ на потребность противоположнаго пріема, и успѣхъ Катковскихъ Москов<скихъ> Вѣдом<остей> служилъ подтвержденіемъ такой потребности.

Стоя у самага сельскаго дѣла, я, независимо отъ всякихъ личныхъ интересовъ, былъ бы очень радъ въ данную минуту съ своей стороны налечь на весло, чтобы хотя на шагъ уклонить нашъ общественный корабль отъ случайнаго или неслучайнаго опаснаго пути. Приэтомъ я напередъ знаю, что мое міровоззрѣніе о несомнѣнномъ и преемственномомъ самодержавномъ главѣ, которому исторія вручила громадную страну со стомилліоннымъ населеніемъ, — міровоззрѣніе, съ колыбели раздѣляемое девятью десятиями этого народа, не найдетъ доступа ни въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, выдающихъ себя за народовольцевъ. Вотъ причина, по которой я желалъ бы узнать, сочтеть ли новая редакція Московскихъ Вѣдомостейъ подходящими по духу къ этому изданію статьи, которыя могли бы при случаѣ вырваться изъ-подъ моего пера. Еслибы я получилъ со стороны редакціи благопріятный отвѣтъ, то можно бы было избрать нѣсколько минутъ для летучаго очерка границъ, въ которыхъ редакція допускаетъ возможные замѣчанія, такъ какъ въ мои лѣта тратить время на изложеніе мыслей, обреченныхъ оставаться мертворожденными, — тяжело.

Съ совершеннымъ уваженіемъ имею честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

(Фетъ) А<.> Шенши<нъ>

2

11 октября 1888.

Многоуважаемый
Сергѣй Александровичъ!

Въ виду драгоцѣннаго для современной Россіи направленія Вашей газеты, я чувствую потребность не только переговорить съ Вами о нѣкоторыхъ интересныхъ для насъ вопросахъ, но и лично воспользоваться бесѣдою Вашей ³².

Не желая помѣшать Вамъ въ Вашихъ занятіяхъ или же при моей болѣзненности не застать Васъ дома, я бы покорнѣйше просилъ Васъ о двухъ словахъ увѣдомленія, — могу ли я, не помѣшавъ Вамъ, видѣть Васъ и въ какое время?

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи къ Вамъ

Вашего покорнѣйшаго

А<.> Шеншин<а>

3

31 октября 1890.

Многоуважаемый
Сергѣй Александрович!

Вслѣдъ за поступившими въ продажу Воспоминаніями ³³ появится 4^й выпускъ Вечернихъ Огней ³⁴, риѣмованный переводъ Плавтова Горшка ³⁵ и полное переводное издание Марціала ³⁶. Понятно, что при этомъ я не желалъ бы нарочно сердить социалистическихъ собакъ. Если Вы найдете нужнымъ помѣстить у себя прилагаемую статейку Деревенскаго жителя, то я очень буду этому радъ, какъ радуюсь удовольствію, съ которымъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ прочтена была статья Г. Говорухи-Отрока ³⁷, о которой я здѣсь вспоминаю. Во всякомъ случаѣ прошу Васъ не выставлять меня бесполезно на заушаніе прокаженныхъ, которыхъ бы я конечно не побоялся, какъ публицистъ, если бы за мной не тащился мой чисто литературный хвостъ. Въ видѣ личнаго одолженія я просилъ бы Васъ о возвращеніи единственнаго экземпляра препровождаемой Вамъ рукописи, въ случаѣ непригодности ея къ печати ³⁸.

Съ неизмѣннымъ уваженіемъ и симпатіей

готовый къ услугамъ

Вашъ

А<.> Шеншинъ.

4

18 $\frac{9}{VIII}$ 91.

Многоуважаемый
Сергѣй Александрович!

Вамъ хорошо извѣстны и мои постоянныя отношенія къ направленію Вашей газеты и къ собственнымъ моимъ статьямъ, выступающимъ за предѣлы безотносительнаго искусства. Поэтому, прилагая присемъ подъ бандеролью мою статью ³⁹, отдаю ее въ полное Ваше распоряженіе, т. е. Вы можете ее печатать или нѣтъ, цѣликомъ или съ вырѣзками, съ примѣчаніями отъ редакціи или безъ оныхъ.

Въ случаѣ ненапечатанія оной, я бы покорнѣйше просилъ Васъ сохранить рукопись для меня или въ особенное одолженіе переслать ее на Плющиху въ нашъ домъ, Ивану Ѳедор<овичу> Туфлеву ⁴⁰.

Как бы Вы ни поступили, это нимало не измѣнить глубокой симпатіи, съ какой имѣю честь быть искренно преданнымъ

Вамъ

А<.> Шеншинъ

Статья подписана моимъ литер<атурнымъ> именемъ.

5

18 $\frac{28}{\text{VIII}}$ 91.

Глубокоуважаемый
Сергѣй Александровичъ!

сердечно цѣня вниманіе, оказанное Вами мнѣ присылкой собственно-ручно надписаннаго сборника «Финляндская окраина Россіи»⁴¹, пользуюсь случаемъ еще разъ высказать Вамъ глубочайшую симпатію, какъ главѣ журнала, въ исключительной цѣлости хранящаго духовныя преданія, которыми покойный Михаилъ Никифоровичъ создалъ себѣ нерукотворный памятникъ и заслужилъ бронзовый⁴².

Не могу также отказать себѣ въ удовольствіи благодарить Васъ за ширину рамокъ, въ которыхъ Вамъ угодно было поставить Ваше возраженіе противъ моей статьи⁴³. Я убѣжденъ, что если Россіи не суждено сгнить въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи, — она силою вещей должна будетъ повернуть на дорогу свободнаго труда, охраненнаго безпристрастнымъ закономъ, на который, мнѣ кажется, мы оба съ Вами старательно указываемъ.

Искренно уважающій Васъ

и признательный

А<.> Шеншинъ.

6

18 $\frac{26}{\text{IX}}$ 91.

Глубокоуважаемый
Сергѣй Александровичъ!

Притащившись третьяго дня больной изъ деревни, воздерживаюсь до времени отъ личнаго Вамъ поклона; но прилагаю сію минуту написанныя строки въ полное Ваше распоряженіе⁴⁴.

Пользуюсь<сь> случаемъ засвидѣтельствовать искреннюю симпатію, съ какой считаю себя Вашимъ

готовымъ къ услугамъ

А<.> Шеншинъ.

7

18 $\frac{14}{X}$ 91.

Глубокоуважаемый
Сергѣй Александрович!

Если сочувствуете нашему отмахиванію отъ угрожающаго бѣдствія, то дайте мѣсто въ почтенной газетѣ Вашей голосу коннозаводчика Шеншина.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
искрѣнно преданный
Вамъ

А<.> Шеншинъ

Въ случаѣ ненапечатанія рукописи не возвращайте ⁴⁵.

8

18 $\frac{30}{X}$ 91

Глубокоуважаемый
Сергѣй Александрович!

Вполнѣ увѣренный, что, если Вы почему либо найдете невозможнымъ помѣщеніе прилагаемой статьи въ Вашей газетѣ, Вы не откажете возвратить мнѣ прилагаемую присемъ рукопись, пользуясь случаемъ засвидѣтельствовать совершенное почтеніе готовый къ услугамъ Вашимъ

А<.> Шеншинъ ⁴⁶

9

18 $\frac{26}{IV}$ 92.

Многоуважаемый
Сергѣй Александрович!

Надѣюсь, что Вы успѣли прочитать первую половину доставленной Вамъ статьи моей. Вчера наконецъ я выручилъ и вторую половину изъ нелѣпой редакціи «Землевладельцевъ» ⁴⁷. Видя пока съ немногими единственное спасеніе нашей страны въ обращеніи земледѣльцевъ въ дѣйствительныхъ землевладельцевъ, я желаю, чтобы статья моя была болѣе чѣмъ словомъ, а такъ сказать началомъ дѣла. Я уже говорилъ Вамъ, что постараюсь передать ее въ руки Державнаго Хозя-

ина ⁴⁸, такъ какъ, по моему мнѣнію, въ этой статьѣ намѣчены какъ губительные промахи реформы 60 года, такъ и указанія на желаемыя ихъ исправленія. Кромѣ того цѣль моя была бы не достигнута, если бы въ лѣтнее время бездѣйствія всяческихъ государственныхъ комиссій статья моя прошла бы незамѣченной.

Въ виду этого рѣшаюсь просить Васъ во всякомъ случаѣ сохранить единственный экземпляръ моей статьи до перваго октября, когда, вернувшись въ Москву, я буду въ состояніи переговорить съ Вами и присоединить вторую половину статьи. Полагаю, что статья моя не встрѣтитъ затрудненія въ помѣщеніи ея въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, такъ какъ и указывая на изъязыны я тѣмъ не менѣе остаюсь врагомъ всякой насильственной ломки. Мѣры, предлагаемыя мною, подобно десяти заповѣдямъ, только отрицательныя, отмѣняющія принужденіе ⁴⁹.

Было бы чрезвычайно любезно съ Вашей стороны увѣдомить меня по адресу въ заголовкѣ этого письма ⁵⁰ двумя словами о впечатлѣніи, произведенномъ на Васъ знакомствомъ съ моею статьей. Считаете ли Вы ее удобной для помѣщенія въ Мо<сковскихъ> Вѣдо<мостяхъ?>

Примите увѣренія въ глубокой симпатіи и почтеніи

Вашего

готоваго къ услугамъ

А.<.> Шенщина

П. А. А. Фет — К. Н. Леонтьеву ⁵¹

1

18 $\frac{22}{VII}$ 91.

Многоуважаемый

Константинъ Николаевичъ,

На Вашемъ мѣстѣ я съ бѣльшимъ удовольствіемъ прочелъ бы эти строки, чѣмъ всякое другое письмо, внушенное признательностью, honoris causa, или дружбой, такъ какъ онѣ внушены горячимъ желаніемъ симпатически пожать Вамъ руку, подѣ влияніемъ только что прочтенной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статьи о памятникѣ Каткову, гдѣ приводятся Ваши благородныя, бойкія и блестящія слова по поводу змѣйнаго шипѣнія мнимыхъ либераловъ ⁵². Честь и слава Вашему таланту, положившему съ своей стороны не одинъ кирпичъ въ стѣну единой исторической русской народности.

Въ свое время я уже писалъ Вамъ, до какой степени Вы осчастливили мою лабораторію, указавъ на удачу⁵³ самаго труднаго стихотворенія, эпиталамы В<еликому> К<нязю> Павлу Александровичу⁵⁴. Мнѣ приходилось навѣку писать и удачныя, и неудачныя стихотворенія; но почему кромѣ Васъ никто прямо пальцемъ не указалъ на эпиталаму, которою я внутренно такъ гордился? Въ настоящее время прилагаю присемъ стихотвореніе въ томъ же родѣ и былъ бы весьма радъ услышать Ваше о немъ мнѣніе, хотя бы самое нелестное.

Въ послѣднее время я страдаю упорствомъ желудка, безобразной одышкой, лишающей меня сна, и окончательной куриной или человѣческой слѣпотой.

Судя по сравнительной молодости Вашей, надѣюсь, что здоровье Ваше находится въ болѣе сносномъ положеніи, чѣмъ мое⁵⁵. Надежду эту раздѣляетъ и сегодняшняя именинница Марья Петровна⁵⁶, при желаніи всего Вамъ лучшаго.

Неизмѣнно признательный и преданный

А<.> Шеншинъ

Е<я> В<еличеству> Королевѣ Элиновѣ⁵⁷.

Когда то Ольга душу живу
За вѣру грекамъ отдала
И райскій кедръ, и Божью ниву
На сѣверъ съ юга привлекла.

И вотъ прошло тысячелѣтье,
И надъ полночною страной
Склонилось древа жизни вѣтье
Неувядающей весной.

Среди духовнаго посѣва
И благодатна, и чиста,
Несетъ намъ Ольга Королева
Красу и благодать и Христа.

Полнѣй опять семья родная⁵⁸,
И снова восхищаетъ взоръ
И Ольга царственно благая
И Христоносецъ Христофоръ⁵⁹.

2

18 $\frac{2}{\text{VIII}}$ 91.

Многоуважаемый
Константин Николаевич,

по мнѣнію моему между порядочными людьми никто не бывалъ излишне вѣжливъ, и вотъ почему я съ такимъ удовольствіемъ читалъ тѣ любезныя слова, которыми Вамъ угодно было окружить Вашу вполне правильную рецензію моей «*Ольги*»⁶⁰.

Мои литературные друзья съ давнихъ поръ знаютъ, съ какой признательностью я постоянно принимаю указанія на мои промахи и недостатки. Въ свою очередь прошу Васъ принять самую искреннюю благодарность мою за любезныя указанія.

Стихотвореніе такой непосредственный и почти безсознательный продуктъ, что нерѣдко только сторонній глазъ можетъ раскрыть его вывихи и даже нравственное убожество. Но это нисколько не значитъ, чтобы на половину безсознательный родитель, непременно раскрывая глаза на указанные ему недостатки, смотрѣлъ и на все глазами указавшаго ихъ. Вы сами въ концѣ письма указываете на основную концепцію <sic!> стихотворенія, основанную на сближеніе <sic!> древней Ольги с новѣйшею. Ея я держался и другой болѣе цѣлесообразной не нахожу. И такъ, судя по Вашему же письму, я долженъ заключать, что мотивъ выбранъ вѣрный, но исполненіе его порочно и неудачно. Съ послѣднимъ не могу не согласиться, и прохожу всѣ Ваши замѣчанія одно за другимъ. Насчетъ «душу живу» — вполне согласенъ, такъ какъ мое пониманіе въ смыслѣ всей духовной основы, лежащей въ сердечной глубинѣ всякаго вѣрующаго, какого бы исповѣданія онъ ни былъ, хотя бы даже славянскаго⁶¹. Эту «душу живу» Ольга промѣняла у грековъ на мистическую «душу живу»⁶². Но этотъ смыслъ лежитъ слишкомъ далеко, а потому куплетъ этотъ требуетъ радикальнаго измѣненія въ общепонятный.

Что касается до русскихъ словъ, то я до крайности остороженъ въ нововведеніяхъ. Но зато не могу представить себѣ кореннаго русскаго слова, которое могло бы быть забраковано даже въ такомъ случаѣ, если оно лучше всякаго другаго выражаетъ требуемое. Въ такомъ, по моему, положеніи находится поставленное мною *вѣтье*, представляющее не вообще вѣтки, или вѣтви, (слово, пахнущее грамотностью и семинаріей), а самый приростъ, побѣги этихъ вѣтокъ. Въ такомъ смыслѣ приводится это слово и у Даля: суховѣтъ, хворость, хворостнякъ, вѣтье, прутья, прутнякъ⁶³.

Вы сами разрѣшаете подѣ условіемъ несомнѣнной наглядности говорить въ стихахъ о красотѣ 40^{ка} лѣтней женщины. Королева принадлежитъ къ числу женщинъ, превосходящихъ красотой въ 40 лѣтъ своихъ красивыхъ дочерей. Вполнѣ согласенъ съ Вами, что и третій куплетъ я перетонилъ до непонятливости. Я хотѣлъ сыграть 3^{хъ} лѣтняго принца Христофора — Христоносца, котораго она въ свою очередь принесла и принесла какъ бы во второмъ этажѣ. А такъ какъ даже Вашъ острый критическій взглядъ не увидаль внутренней нити, связующей послѣднихъ два куплета, то оказывается, что это такъ тонко, что рвется; а съ уничтоженіемъ этой нити и самый переводъ Христофора на русскій языкъ теряетъ значеніе. Кромѣ моей сердечной признательности, Вы не можете отрицать и глубокаго вниманія, съ которымъ я выслушалъ Ваши замѣчанія. Если бы я былъ совершенно свободенъ, то нисколько не смущаясь перечеркнулъ бы въ моей тетради неудачное стихотвореніе и забылъ бы о немъ, какъ это уже неоднократно со мною случалось. Но еще разъ полагаюсь на Вашъ судъ. Не знаю, удастся ли мнѣ при жизни выпустить новый сборникъ (около 35 стихотвореній), но если онъ когда либо появится въ печати, то возможно ли изъ него, не говоря худаго слова, выкинуть стихотвореніе къ Королеве, за которое она благодарила, какъ «скромная, но восторженная почитательница»⁶⁴. По моему, это немислимо. А слѣдуетъ смиренно просить принять исправленный онаго вариантъ, по которому стихотвореніе должно современемъ быть напечатано. Конечно, съ подобной передрагой я считаю для себя нескромнымъ обращаться къ Королевѣ, а могу представить вариантъ чрезъ обожающаго ее брата Константина, сказавъ, что исправленіе послѣдовало по любезнымъ указаніямъ извѣстнаго писателя Константина Ник^олаевича Леонтьева⁶⁵. Увѣренный, что и Вы не укажете мнѣ другаго образа дѣйствія, представляю Вамъ вариантъ стихотворенія, котораго не вышлю Вел^икому Князю, не услышавши Вашего послѣдняго слова⁶⁶. Едва ли это стихотвореніе не будетъ послѣднею искрой моихъ Веч^ернихъ Огней, когда худо или хорошо я еще могъ говорить: «живь, живь, курилка»⁶⁷. Какъ бы я счастливъ былъ, если бы Муза моя нашла подходящія выраженія къ симпатіи и давнишему къ Вамъ моему⁶⁸ уваженію.

Когда то Ольга душу живу
У грековъ въ вѣрѣ обрѣла,
И райскій кедръ, и Божью ниву
На сѣверѣ съ юга привлекла.

И вотъ прошло тысячелѣтье,
И надъ полуночной страной
Склонилось древа жизни вѣтье
Неувядающей весной.

Среди духовнаго поствѣва
Въ вѣкахъ созрѣвшаго, опять
Несетъ намъ Ольга Королева
Красу и Божью благодать.

Полнѣй семья ея родная
И снова восхищаетъ взоръ
И Ольга царственно благая,
И вѣстникъ счастья Христофоръ.

Марья Петровна благодарить за привѣтствіе и просить передать ея усердный поклонъ.

Будьте главное здоровы, и не подражайте въ хворобѣ
преданному Вамъ

А<. > Шеншину

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из стихотворения «Афанасій Фет».

² Примечательный фактъ приводит Б. Я. Бухштаб: «<...> с 1846—1847 по 1853 г. ведущіе журналы вообще перестаютъ печатать стихи, а книжки „Современника“, „Отечественныхъ записок“, „Библиотеки для чтенія“ годами выходятъ безъ единого стихотворенія» (Б. Я. Бухштаб, *А. А. Фет: Очеркъ жизни и творчества*, Ленинградъ 1974, 23).

³ Д. Дарскій, «*Радость земли*»: *Исследование лирики Фета*, Москва 1916, 3—4. Ср.: «Покойный отецъ нашъ терпѣть не могъ писанія стиховъ, и можно бы съ великою натяжкой утверждать, что судьба въ угоду старику не допустила Шеншина до литературнаго поприща, предоставивъ послѣднее Фету» (А. Фет, *Мои воспоминанія, 1848—1889*, Москва 1890, ч. II, 283).

⁴ Нетъ никакого сомненія въ томъ, что въ действительности Фетъ былъ сыномъ дармштадтскаго чиновника И.-П.-К.-В. Фѣта (Foeth) [см.: *К биографіи А. А. Фета (Шеншина)*, Составилъ А. Григоровичъ, С.-Петербургъ 1904, 167; Г. П. Блокъ, «Летопись жизни А. А. Фета» [1930-е годы], Публикація Б. Я. Бухштаба, *А. А. Фет: Традиціи и проблемы изученія: Сборникъ научныхъ трудовъ*, Курскъ 1985, 134—137; Б. Я. Бухштаб, Указ. соч., 4—9; и др.]. Не исключено, что отецъ или мать поэта были еврейскаго происхожденія; во всякомъ случае, «даже близкіе друзья Фета — Полонскій, Лев Толстой — считали Фета евреемъ или полуевреемъ» (Тамъ же, 12 и др.).

- ⁵ Л. Н. Толстой, *Переписка с русскими писателями: В 2 т.*, Издание 2-е, дополненное, Москва 1978, т. I, 338.
- ⁶ Там же, 343.
- ⁷ Там же, 356—357.
- ⁸ Д. Дарский, Указ. соч., 35.
- ⁹ См.: А. Фет, 'Заметки о вольно-наемном труде', *Русский Вестник*, 1862, т. XXXVIII, № 3, 358—379; т. XXXIX, № 5, 219—273.
- ¹⁰ И. С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем: В 28 т., Письма: В 13 т.*, Москва — Ленинград 1963, т. V: 1862—1865, 274 [из письма 14(26).VII 1864].
- ¹¹ Там же, 44.
- ¹² Очерки этого цикла печатались на протяжении нескольких лет (см.: *Русский Вестник*, 1863, т. XLIII, № 1, 438—470; т. XLIV, № 3, 290—350; *Литературная библиотека*, 1868, № 2, 90—124; ср. также письмо В. П. Боткина Фету от 15.XI 1863: А. Фет, *Мои воспоминания...*, ч. I, 443).
- ¹³ М. Е. Салтыков-Щедрин, *Собрание сочинений: В 20 т.*, Москва 1968, т. 6: Наша общественная жизнь, 1863—1864; Статьи, 1863; Журнальная полемика, 1864, 59—60.
- ¹⁴ Нужно помнить, что первые прозаические опыты Фета были опубликованы в «Отечественных записках» (1854—1856) и «Современнике» (1856—1857) [см.: В. С. Федина, А. А. Фет (*Шенин*): *Материалы к характеристике*, Петроград 1915, 25].
- ¹⁵ См.: А. Фет, 'Семейство Гольц: Рассказ', *Русский Вестник*, 1870, т. LXXXIX, № 9, 281—321; Он же, 'Не те: Рассказ', Там же, 1874, т. CX, № 4, 817—823; Он же, 'Кактус: Рассказ', Там же, 1881, т. CLVI, № 11, 230—238.
- ¹⁶ См.: Он же, 'Отголосок сельской судьбы', Там же, 1874, т. CXIII, № 9, 388—410; Он же, 'По вопросу о личном найме', Там же, 1876, т. CXXI, № 1, 408—441.
- ¹⁷ См.: Деревенский Житель [= А. Фет], 'Наши корни', Там же, 1882, т. CLVII, № 2, 485—538. Принадлежность этой статьи Фету установлена (см.: В. С. Федина, Указ. соч., 26).
- ¹⁸ Из письма от 26.IX(8.X) 1871 (И. С. Тургенев, Указ. соч., 1965, т. IX: 1871—1872, 142, ср. 154—155).
- ¹⁹ А. Фет, *Мои воспоминания...*, ч. II, 282—283.
- ²⁰ Из письма от 12(24).XII 1874 (И. С. Тургенев, Указ. соч., 1965, т. X: 1872—1874, 339).
- ²¹ Из письма Я. П. Полонскому от 26.XII 1887 (А. Фет, *Стихотворения; Проза; Письма*, Москва 1988, 348). Ср. стихотворное послание «Ф. Е. Коршу» (1887): *Я между плачущих Шенин, // И Фет я только средь поющих.*
- ²² Российская государственная библиотека, Отдел рукописей (= РГБ), ф. 315 (А. А. Фет), к. 4, ед. хр. 15, л. 1.
- ²³ В книге копий писем к М. Н. Каткову сохранилось одно письмо Фета, датированное 9.V [1881]. Приводим его текст целиком: «Глубокоуважаемый М<и>хаиль! Н<и>кифоровичь! — Не помимо энергических и настойчивых разъяснений Ваших, — миновала нас самая страшная туча — конституции. Прочтя Высочайший указъ, я перекрестился. — Я счелъ не лишнимъ представить Вамъ въ копии выписку изъ письма ко мнѣ студента Моск<овскаго> Унив<ерситета>; на что испросилъ его согласіе съ усло-

вѣемъ не выставялъ ни моего ни его имени. Вотъ письмо: „Не могу не раздѣлять съ Вами радости по поводу очищенія нашего Университета, хотя должно прибавить, что это очищеніе, на мой взглядъ, было произведено не вполне. Многое хотѣлось бы сказать по этому поводу, но опасаясь утомить Васъ излишними разсужденіями, скажу въ нѣсколькихъ словахъ. — Разумѣется, я не хочу не только защищать, но даже сколько нибудь оправдывать своихъ бывшихъ товарищей и тѣхъ изъ настоящихъ, которые пожелали бы послѣдовать ихъ примѣру: ихъ, по мнѣ, осудилъ самъ народъ. Примѣромъ случившееся въ Москвѣ недавно грустное происшествіе. Одинъ извозчикъ ударилъ топоромъ въ голову другаго за то лишь, что этотъ въ сердцахъ назвалъ его студентомъ. Это нашъ то народъ, столь мало, какъ извѣстно, привыкшій, во время брани, къ изысканнымъ выраженіямъ, совершаетъ уголовное преступленіе, когда его обзываютъ студентомъ. — Грустная иллюстрація исторіи послѣдняго десятилѣтія! Итакъ не защищать хочу я, а засвидѣтельствовать лишь то, что возможность повторенія безтактныхъ и нелѣпыхъ поступковъ студентовъ Моск<овскаго> Унив<ерситета> будетъ, какъ мнѣ кажется, существовать доколѣ руководить ими буд<у>тъ учителя, подобные нѣкоторымъ изъ теперечныхъ: доколѣ вмѣсто спеціальнаго занятія н<а> пр<имѣръ> юридическими науками стануть съ каѳедры входить въ пространныя обсужденія женскаго вопроса и т. д. и явно давать понимать слушателямъ свое недовольство существующимъ въ нашей странѣ порядкомъ, доколѣ будутъ приводиться <sic!> извѣстныя тенденціи и т. д. Вотъ съ этого то конца слѣдуетъ начать очищеніе, ибо эти люди съ тѣми одного поля ягода, какъ выразился одинъ московскій лавочникъ, показывая кулакъ проф. Герье, когда послѣдній ему заявилъ, что принадлежитъ къ профессорамъ, а не къ студентамъ, которыхъ въ то время бранилъ лавочникъ. Нѣтъ не этимъ учителямъ суждено поставить нынѣ учащихся на истинный путь. Теперь, мнѣ кажется, учиться намъ нужно не у нихъ, а у того поколѣнія людей, которое въ 60^{хъ} годахъ было наз<ва>но Отцами, а теперь въ 80, — стало дѣдами, у которыхъ есть вѣра, а не повальное, подавляющее и безконечное отрицаніе и отрицаніе, котор<ые> поклонники прекраснаго, служители и проповѣдники эстетики. Вотъ лучшіе люди и т. д.“ — Приятно читать подобное письмо юнаго адепта науки! Вы бы были благодѣтелемъ ношей (?) <нашимъ? юношей? — В. А.>, если бы... <sic!> тому очищенію, о которомъ онъ вздыхаетъ. — Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть глубоко уважающій Васъ А. Шенш<инъ>-Фетъ» [РГБ, ф. 120 (М. Н. Катков), папка 24, л. 42 об.—43 об.; начало письма (с разночтеніями) приведено в книгѣ: В. А. Твардовская, *Идеология пореформенного самодержавія: (М. Н. Катков и его изданія)*, Москва 1978, 208]. В начале письма Фетъ имеетъ в виду манифестъ Александра III, въ которомъ среди прочаго говорилось: «<...> посреди великой Нашей скорби гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу истины самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго ото всякихъ на нее поползновеній» (*Московскіе Ведомости*, 1881, 30 апреля, № 118, 1). Такимъ образомъ, снимался вопросъ о конституціи, в ожиданіи которой находилась русское общество. Этотъ моментъ былъ недвусмысленно подчеркнутъ в передовой статьѣ того же номера «Ведомостей»: «Какъ манны небесной народное чувство ждало этого царственнаго слова. Въ немъ наше спасеніе: оно возвращаетъ Русскому народу Русскаго Царя Самодержавнаго, отъ Бога пріившаго власть Свою и лишь предъ Богомъ отвѣтственнаго» (Тамъ же, 3).

- ²⁴ А. Фет, *Сочинения: В 2 т.*, Москва 1982, т. 2: Рассказы; О поэзии и искусстве; Письма, 351. Показательно при этом, что после смерти Фета «Московские Ведомости» говорили о нем главным образом как о поэте [см.: Д. Языков, 'А. А. Шеншин-Фет: (Некролог)', *Московские Ведомости*, 1892, 22 ноября, № 324, 2; ср.: В. С., 'Памяти А. А. Шеншина', Там же, 2). «Экскурсія поэта въ не-поэтическую сферу» действительно оказалась малоудачной (*Вестник Европы*, 1889, кн. 11, 462).
- ²⁵ А. Фет, *Сочинения...*, т. 2, 325.
- ²⁶ Из письма Вс. С. Соловьеву от 18.VI 1879 (К. Леонтьев, *Избранные письма, 1854—1891*, С.-Петербург 1993, 237—238).
- ²⁷ Из письма А. А. Александрову от 17.II 1889 (Там же, 420).
- ²⁸ 9 писем Фета С. А. Петровскому публикуются впервые. Печатаются по автографу [РГБ, ф. 224 (С. А. Петровский), оп. 1, к. 2, ед. хр. 64, л. 1—20].
- ²⁹ В объявлении «Об издании *Московских Ведомостей* в 1888 году» Петровский изложил свою программу: «По стечению многихъ обстоятельствъ, интересъ **Московскихъ Вѣдомостей** при М. Н. Катковѣ сосредоточивался главнымъ образомъ въ отдѣлѣ перодовыхъ статей. Всячески заботясь о поддержаніи этого отдѣла на желательной высотѣ, новый издатель считаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимымъ обратить особенное вниманіе на усиленіе интереса и прочихъ отдѣловъ, какъ желалъ того и покойный издатель» (*Московские Ведомости*, 1887, 21 ноября, № 321, 1). Настоящимъ письмомъ Фет откликнулся на призывъ к сотрудничеству. Уже 10.XII 1887 «Московские Ведомости» (№ 340, 5) напечатали его большую статью «Деревенские заметки: Письмо к редактору» (подпись: Деревенскій Житель). Под этим же псевдонимомъ 14.I 1888 появилась заметка «По поводу отзывов земствъ о преобразованіи местныхъ учреждений» (№ 14, 3—4). Авторство Фета установлено (см.: В. С. Федина, *Указ. соч.*, 26).
- ³⁰ М. Н. Катков редактировал «Московские Ведомости» с 1863 г. до своей кончины, последовавшей 20.VII 1887.
- ³¹ Леонтьев Павел Михайлович (1822—1874), профессор Московского университета по кафедре греческой словесности, с 1863 г. — соредaktor «Московскихъ Ведомостей».
- ³² Сведеній о встрече Фета с Петровским в октябре 1888 г. нет. Насколько известно, в «Московскихъ Ведомостяхъ» Фет в это время также не выступал.
- ³³ См.: А. Фет, *Мои воспоминания, 1848—1889*, Москва 1890, ч. 1—2.
- ³⁴ См.: А. Фет, *Вечерние Огни*, Москва 1891, вып. 4-ый неизданныхъ стихотвореній (цензурное разрешение 31.X 1890).
- ³⁵ См.: Т. М. Плавт, *Горшок*, Перевод А. Фета, Москва 1891.
- ³⁶ См.: М. В. Марциал, *Эпиграммы*, В переводе и с объясненіями А. Фета, Москва 1891, ч. I—II.
- ³⁷ Говоруха-Отрок Юрий Николаевич (1850—1896) — критик, публицист, сотрудник «Московскихъ Ведомостей»; печатался под разными псевдонимами, один из наиболее известных — Ю. Николаев (см.: Л. Т[ихомиров], 'Печать о Ю. Н. Говорухе-Отроке', *Памяти Ю. Н. Говорухи-Отрока: Сборникъ статей изъ «Русского обозрениа»*, Москва 1896, 25). Вероятно, в письме речь идет об отклике Говорухи-Отрока на мемуары Фета (см.: Ю. Николаев, 'Несколько замечаній о Тургеневе и Толстом: По поводу книги А. А. Фета: *Мои воспоминания. Два тома. Москва 1890*', *Московские Ведомости*, 1890, 13 октября, № 283, 3—4).

³⁸ В конце 1890 г. статья Фета в «Московских Ведомостях» не появилась, и текст ее неизвестен.

³⁹ Речь идет о статье «Гром не грянет, мужик не перекрестится». Осенью 1891 г., когда стало ясно, что крестьянам грозит голод из-за неурожая, Фет одним из первых забил тревогу: причиной обнищания деревни, по его мнению, было сохранение крестьянской общины (см.: *Московские Ведомости*, 1891, 21 августа, № 230, 3—4; см. также примеч. 43).

⁴⁰ Сведений о нем найти не удалось.

⁴¹ См.: *Финляндская окраина России: Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так-называемого «Финляндского вопроса»*, Издал С. Петровский, Москва 1891, вып. 1.

⁴² В четвертую годовщину смерти Каткова в «Московских Ведомостях» много говорилось о памятнике «незабвенному и незамѣнному» редактору и публицисту (подробнее об этом см. в примеч. 52).

⁴³ Публикуя статью Фета о крестьянской общине (см. примеч. 39), редактор не скрыл от читателей своих разногласий с автором: «Въ печатаемой нами ниже статьѣ А. А. Фета затрoгивается вопросъ обширный и сложный, требующій для правильного разрѣшенія, прежде всего, тщательнаго историческаго изученія. Быть или не быть крестьянской общинѣ — такъ ставить дѣло А. А. Фетъ, и рѣшаетъ его на основаніи своихъ личныхъ наблюденій надъ деревенскою жизнью <...> наши нигилисты, „партія Современника“, видѣли въ крестьянской общинѣ какъ бы осуществленіе социалистической идеи и потому поддерживали это учрежденіе. Славянофилы, напротивъ, видѣли въ той же общинѣ оригинальное проявленіе русскаго народнаго духа въ сферѣ экономическихъ отношеній <...> и славянофильское мнѣніе, быть-можетъ, должно будетъ уступить напору фактовъ, но фактовъ строго проверенныхъ, возведенныхъ въ систему, обследованныхъ со всѣхъ сторонъ, а не фактовъ которые являются лишь результатомъ личныхъ наблюденій» (см.: *Московские Ведомости*, 1891, 21 августа, № 230, 3).

⁴⁴ Речь идет о «Письме к издателю», где Фет откликнулся на телеграмму, опубликованную в «Московских Ведомостях» 26.IX 1891. Петровский сразу же отправил заметку Фета в набор. В ней, в частности, говорилось: «Въ № 266 *Моск. Вѣд.* мы прочли слѣдующую лаконическую телеграмму:

<„>Петербургъ, 25 сентября. Вопросъ объ общеобязательномъ прекращеніи работъ и торговли въ воскресные и праздничные дни близокъ къ окончательному разрѣшенію въ утвердительномъ смыслѣ.“

Слова эти привели насъ въ несказанное смущеніе, и мы готовы съ радостію обвинить себя въ недогадливости, или самую телеграмму въ неясности. Какъ понимать слова: прекращеніе работъ? вѣдь подъ этимъ можно подразумѣвать и сельскія работы, страдающія у насъ отъ излишества праздничныхъ дней, служащихъ предлогомъ къ самому необузданному и продолжительному пьянству, иногда двухнедельному кряду, по поводу престольнаго праздника, какъ это было и въ нынѣшнемъ году <...> не взирая на предстоящую голодовку.

Если принять въ соображеніе что по климатическимъ условіямъ полевая работа могутъ производиться только въ теченіе 150 дней, а самыя настоятельныя (страда) падаютъ на июль и августъ, то дѣлается понятнымъ что для русскаго земледѣльца въ по-

добное время не только день, но и часъ не вознаградимо дорогъ, ибо погода не соображается съ календаремъ, и то что могло бы быть схвачено и спасено въ воскресенье, можетъ пропасть подъ начавшимися съ понедѣльника дождями. Неужели <...> урядникъ будетъ останавливать земледѣльца торопливо копнящаго сѣно или увозящаго на-сущный хлѣбъ своей семьи на гумно? Мы положительно не можемъ понять подобной мысли именно въ голодный годъ, какъ будто бы съ цѣлью обезпечить голодовку и на будущія времена, вопреки ученію Христа (Матѳ. XII, 11—12). „Онъ сказалъ имъ: кто изъ васъ, имѣя одну овцу, ежели она въ день субботній упадетъ въ яму, взявши не вытащить ея?“» (*Московские Ведомости*, 1891, 28 сентября, № 268, 5; подпись: А. Фетъ).

⁴⁵ Фет утверждал, что планируемая отмена ремонтеров приведет к упадку верховых заводов (см.: А. Шеншин, ‘Голос коннозаводчика’, *Московские Ведомости*, 1891, 16 октября, № 286, 5). Публикуемое письмо снимает сомнения в принадлежности этой заметки Фету (ср.: В. С. Федина, Указ. соч., 28).

⁴⁶ В этой статье Фет пересказывал сведения, полученные им от «землянского управляющаго»: «Извиняясь насчетъ неприбытія къ намъ къ назначенному 15 сентября, онъ сказалъ: „въ виду полнѣйшаго неурожая въ нашей мѣстности, ожидали что престольное празднованіе Рождества Богородицы (8 сентября) на этотъ годъ сократится, и потому кабатчики не запаслись большимъ количествомъ водки. Но пьяный разгулъ начался еще за три дня до праздника, и кабатчики во всѣ стороны послали на тройкахъ за водкой, которой никогда не разбиралось въ такомъ количествѣ, какъ въ этомъ году. Безобразіе продолжалось до 17 числа, и мы, продолжалъ управляющій, только со страхомъ ожидали обычныхъ спутниковъ пьянства — пожаровъ“.

Такъ какъ въ двухверстномъ разстояніи отъ нашей усадьбы устраивается станція проводимой въ настоящее время Курско-Воронежской желѣзной дороги, то инженеры, изготовивъ тачки и лопаты, предложили мѣстнымъ крестьянамъ работать по 23 руб. въ мѣсяцъ пѣшему и по 35 руб. конному рабочему. Явились рабочіе, но на третій день сказавъ: „мы не каторжные“, ушли съ работъ, говоря: „я по міру отправлюсь и наберу рубль въ день, и лошадь накормлю, да еще и водочки выпью“».

«Если наша такъ-называемая интеллигенція и не имѣетъ никакого понятія о характерѣ деревенской жизни, то все-таки при модномъ стремленіи класть трудъ въ основу человѣческой жизни (въдъ для воспріятія и такихъ аксіомъ нужна мода), не трудно понять настоящую сущность дѣла. Земледѣльцы неурожайныхъ мѣстъ потратили минувшимъ лѣтомъ свой трудъ даромъ. Другой отрасли труда въ наличности нѣтъ. Будь таковой <sic!>, бѣды бы не было. Земледѣлецъ другимъ способомъ заработалъ бы деньги на хлѣбъ. Трудовые деньги не деморализовали бы работника <...> А для массы народонаселенія ничто не можетъ быть въ нравственномъ отношеніи вреднѣе даровой раздачи хлѣба. Даже въ самые урожайные годы раздаются бесплодные сожалѣнія объ отсутствіи средствъ къ произведенію полезныхъ общественныхъ работъ <...> Почему бы въ данномъ случаѣ не воспользоваться появляющимися громадными суммами пожертвованій для возведенія работъ въ другое время неисполнимыхъ за отсутствіемъ денегъ. Если истинная благотворительность проявляется въ доставленіи нуждающемуся вѣрнаго труда, то въ настоящемъ случаѣ выборъ этого способа вспомошествованія можетъ быть единственнымъ распредѣлителемъ помощи дѣйствительно въ ней

нуждающимся и ея заслуживающимъ. Безъ этого растлѣвающее зло будетъ идти въ ногу съ подвигами благотворительности и способно вызвать серіозныя замѣшательства въ такомъ прекрасномъ дѣлѣ» (А. Фет, 'О помощи крестьянамъ неурожайныхъ местностей', *Московскіе Ведомости*, 1891, 10 октября, № 280, 5).

Статья Фета вызвала недоумение у техъ, кто непосредственно боролся с голодомъ: «Это была какъ бы программа дальнѣйшей невѣжественно консервативной лжи по вопросу о голодѣ: вмѣсто голодающаго народа, въ ней выдвигался образъ лѣнтяя, обманщика, пьяницы и попрошайки» (В. Г. Короленко, 'В голодный год: (Наблюдения и заметки изъ дневника)', В. Г. Короленко, *Полное собрание сочинений: В 9 т., С.-Петербургъ 1914, т. 5, 9*). «Новое Время» поместило анонимную статью «Вечерние страхи А. А. Фета», в которой ставились под сомнение приведенные Фетомъ факты: «Поэтъ „Вечернихъ огней“ <...> недавно напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ письмо, въ которомъ говорилъ, что голодный народъ не хочетъ работать <...> Разскажь этотъ имѣлъ значительный успѣхъ, такой успѣхъ, что съ нимъ могли поспорить развѣ только лучшія стихотворенія Фета. Нѣжный, чувствительный, сохранившій въ своемъ сердцѣ память тонкихъ и мимолѣтныхъ виднѣй любви, Фетъ явился на этотъ разъ рѣшительнымъ и суровымъ реалистомъ <...> Къ счастью, все это оказывается „вечерними страхами“ милаго и нѣжнаго поэта. Ничего подобнаго не было <...> „вечерніе страхи“ А. А. Фета должны теперь разсѣяться и мы будемъ питать надежду, что, успокоившись, онъ снова начнетъ вспоминать шалости и грезы юности, облакая ихъ въ обворожительный стихъ и оставить въ покоѣ тѣхъ, у которыхъ единственная греза прокормить себя, свою семью и свой жалкій скотъ» [*Новое Время*, 1891, 22 октября (3 ноября), № 5621, 1].

Оскорбительная по тону, эта статья задела Фета за живое. 1.XI 1891 в «Московскихъ Ведомостяхъ» был напечатанъ ответъ, фактически излагающій взгляды Фета на отношеніе бытового и поэтического: «Не безъ удивленія прочли мы въ № 5.621 *Новаго Времени*, отъ 22 октября игривую статью: „Вечерніе страхи А. А. Фета“. Еслибы дѣло шло только объ оправданіи извѣстія, помѣщеннаго нами мимоходомъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, то, быть-можетъ, мы не стали бы и отвѣчать на статью, выставлющую насъ распространителемъ ложныхъ слуховъ; да и оправдаться не стоило бы ни малѣйшаго труда <...> Вѣроятно, управляющему, толковавшему съ инженеромъ объ отчужденіи нашей земли подъ желѣзную дорогу <...> не было никакого интереса выдумывать небывалые факты отказа крестьянъ отъ работы».

«Но не въ томъ дѣло <...> Мы хотимъ <...> по поводу статьи *Новаго Времени* напомнить что судьбѣ угодно было попеременно давать намъ роли то мечтательнаго ребенка, то бдительной няньки. Само *Новое Время*, всегда такъ любезно относившееся къ нашимъ стихамъ, называетъ ихъ воспоминаніемъ юныхъ шалостей, съ чѣмъ мы совершенно согласны. Поэтъ до старости, подобно ребенку, витаетъ въ мірѣ несбыточныхъ грезъ <...> Но съ другой стороны, человекъ, вынужденный въ продолженіе три-нацатилѣтней военной службы отвѣтственно завѣдывать отдѣльными частями и исполнять въ продолженіе 11 лѣтъ должность участковаго мирового судьи, которому при-шлось раздавать нуждающимся въ хлѣбѣ крестьянамъ его участка собранныя имъ деньги и затѣмъ устроить на эти деньги во Мценскомъ уѣздѣ земскую больницу, по сей день существующую, такой человекъ не можетъ быть ни совершенно не знакомъ

съ крестьянскимъ бытомъ, ни равнодушнымъ къ ихъ благосостоянію. Излишне говорить что мы упоминаемъ и о стихотворной, и о практической своей дѣятельности только съ цѣлю указать на право подачи голоса въ вопросахъ народной жизни. Между тѣмъ и стихотворца, и земца въ нашемъ лицѣ постигла равная участь. Допустимъ что наши стихотворенія крайне слабы и плохи; но мало ли ежедневно печатается плохихъ и даже безграмотныхъ стихотвореній? Отчего же ихъ никто не бранить, а съ шестидесятихъ годовъ, когда мы, въ теченіе многихъ лѣтъ, не согрѣшили ни однимъ стихомъ, литература не переставала бранить насъ ежедневно, превращая наше имя изъ собственного въ нарицательное и даже порицательное? Съ другой стороны, такимъ же непонятнымъ явленіемъ выходитъ насмѣшливая статья *Новаго Времени*, совѣтующая намъ продолжать писать стихи, но не вмѣшиваться въ дѣло неурожая. Почему же всѣмъ нисколько лично не причастнымъ настоящей бѣдѣ дозвоительно говорить о мѣрахъ <...> помощи голодающимъ, а тому, кто самъ въ качествѣ землевладѣльца испытываетъ тяжкія послѣдствія неурожая и находится въ постоянномъ раздумьи о возможныхъ бѣдственныхъ его послѣдствіяхъ, это запрещается?»

«Смѣшеніе поэта съ реалистомъ (для краткости удерживаемъ терминъ *Новаго Времени*), по-нашему, психологическая ошибка <...> Еслибы желающіе во что бы ни стало осудить насъ какъ поэта сказали что наши стихотворенія гроша не стѣяютъ, потому что въ нихъ одна неправда, ибо мы неспособны ни взлетѣть ракетой на воздухъ, ни унести кого-либо на ковчѣ-самолетѣ и т. д., то противъ такой истины мы не нашли бы ни малѣйшаго возраженія, но привели бы въ свое оправданіе нѣчто совершенно другое. Для передачи своихъ мыслей разумъ человѣческой довольствуется разговорною и быстрою рѣчью, причѣмъ всякое пѣніе является уже излишнимъ украшеніемъ, овладѣвающимъ подъ конецъ дѣломъ взаимнаго общенія до того что, упраздняя первобытный центръ тяжести, состоявшій въ передачѣ мысли, создаетъ новый центръ для передачи чувства. Эта волшебная, но настоятельная замѣна одного другимъ происходитъ непрестанно въ жизни не только человѣка, но даже пѣвчихъ птицъ. Надъ новорожденнымъ поютъ, поютъ при апогеѣ его развитія, на свадьбѣ, поютъ и при его погребеніи; поютъ идя съ тяжелой денной работы, поютъ солдаты, возвращаясь съ горячаго ученія, а иногда идя на штурмъ. Реальность пѣсни заключается не въ истинѣ высказанныхъ мыслей, а въ истинѣ выраженнаго чувства. Если пѣсня бьетъ по сердечной струнѣ слушателя, то она истинна и права. Въ противномъ случаѣ, она ненужная парадная форма будничной мысли. Вотъ что можемъ мы сказать въ защиту поэзіи. Но еслибы, съ другой стороны, кто либо сталъ укорять земскаго дѣятеля въ мечтательности, мы не нашли бы ни одного слова въ извиненіе, такъ какъ всѣ практическія мѣропріятія должны основываться на опытѣ, а не на фантазіяхъ».

«Нѣтъ худа безъ добра, и можно будетъ порадоваться если переживаемая нами тяжелая година измѣнитъ наши умственные отношенія къ сельской жизни, которыя, по весьма понятнымъ причинамъ, были весьма плачевны. Правда, въ послѣдніе годы въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ стали раздаваться отдѣльныя жалобы на сельскія неурядицы. Но никто не могъ добраться до обнародованія въ распространенномъ органѣ своихъ соображеній о корнѣ зла удручающаго нашу народность безъ различія словій. Такая невозможность объясняется приемами журнальныхъ редакцій. Тамъ со школьной скамьи, или изъ другихъ источниковъ, безъ провѣрки на опытѣ, берется на-

правление, и по немъ усердно сколачивается Прокрустово ложе. Вотъ и пожалуйте въ такое заведение. Если ноги вашей статьи протянулись за нравственную рамку редакціоннаго ложа, вамъ обрубаютъ ихъ вычеркиваніями, или подстрочными оговорками. Если же статья выльзаетъ не единомышленною головою, то голову эту преспокойно обрубаютъ неприятіемъ самой статьи; а если послѣдняя тѣмъ не менѣе гдѣ-либо прорвалась на свѣтъ Божій — восклицаніями: „это онъ говоритъ потому что желаетъ закабалить крестьянъ, отнявъ у нихъ землю“. Напрасно будете вы говорить что надо отдать крестьянамъ ихъ землю въ полную личную собственность; со всѣхъ сторонъ будутъ кричать: „это онъ потому говоритъ что желаетъ отнять у крестьянъ землю“. Вы опять стараетесь воскликнуть: „дать“, и снова раздастся: „это онъ говоритъ“ и т. д.

Въ настоящую минуту выходитъ не то. Покуда *Новое Время* совѣтуетъ намъ молчать, со всѣхъ сторонъ раздаются голоса буквально заявляющіе о деморализующемъ злѣ порождаемомъ безконтрольною раздачею помощи нуждающимся <...> Правительство можетъ заставить всѣ эти голоса умолкнуть, но частный органъ печати едва ли успѣетъ задержать раздающіеся отовсюду голоса <...> Лишь бы дана была намъ въ этомъ отношеніи свобода слова, а говорить мы будемъ и просимъ о всевозможныхъ намъ возраженіяхъ по существу, а не на томъ основаніи что: „взмета подъ яровое пахать де не слѣдуетъ съ осени, такъ какъ прежде, и особенно у крестьянъ, это не дѣлалось, а совѣтуетъ это дѣлать, изъ своекорыстныхъ цѣлей, злостный человѣкъ противнаго намъ лагеря“. На такого рода возраженія злостный человѣкъ отвѣчать не станетъ» (А. Фет, 'Ответ «Новому Времени», *Московские Ведомости*, 1891, 1 ноября, № 302, 6). О значеніи, какое Фет придавалъ обсуждаемому вопросу, свидетельствуетъ то, что онъ посвятилъ ему еще две статьи (см.: А. Фет, 'По поводу письма земскаго начальника Землянского уезда', Там же, 1891, 27 ноября, № 328, 6; Он же, 'Два слова о запасныхъ магазинахъ', Там же, 1891, 30 ноября, № 331, 5).

⁴⁷ Поначалу идея новой газеты вызвала у Фета сочувствіе: «<...> въ настоящее время <...> возникаетъ самобытный „Голосъ землевладельца“, обещающій свободу сужденій на земскомъ поприщѣ» (А. Фет, 'Ответ «Новому Времени», 6). Несомненно, Фета прельстила программа «Землевладельцевъ»: «<...> мы ставимъ нашею задачею разработку вопросовъ экономическихъ, сельско-хозяйственныхъ, сословныхъ и другихъ, — какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ, — имѣющихъ первостепенное значеніе для жизни провинціи и деревни». «Мы предназначаемъ наше изданіе, главнымъ образомъ, для дворянства, — перваго и единственнаго культурнаго землевладельческаго сословія Россіи, и преимущественно для той его части, которая не порвала еще связи съ землею» (*Голосъ землевладельцевъ*, 1892, 1 января, № 1, 1). Однако взгляды Фета не совпали со взглядами редактора газеты А. В. Величковскаго, и ни одна статья Фета в «Голосѣ землевладельцевъ» напечатана не была. В письмѣ к А. В. Олсуфьеву (6.V 1892) Фет отозвался об этомъ изданіи снисходительно (см.: А. А. Фет, «*Былъ чудный майскій день в Москвѣ...*»: *Стихи; Поэмы; Страницы прозы и воспоминаній; Письма*, Москва 1989, 376).

⁴⁸ Фет имеетъ въ виду царствующаго императора.

⁴⁹ Статью Фета Петровскій не напечатал, и текстъ ее, по-видимому, затерялся. По возвращеніи изъ именія в Москву Фет в началѣ октября заболелъ, а 21.IX 1892 скончался. Состоялась ли его встреча с Петровскимъ, неизвѣстно. Скорѣе всего, и в этой

статье Фета речь также шла о необходимости скорейшей ликвидации крестьянских общин: только она, по мнению Фета, была способна превратить «земледѣльцевъ въ дѣйствительныхъ землевладѣльцевъ» (РГБ, ф. 224, оп. 1, к. 2, ед. хр. 64, л. 18; см. примеч. 39 и 43).

⁵⁰ В заголовке письма типографским способом оттиснут адрес: «Моск<овско>-Курск^{ой} жел<езной> дор<оги> Ст<анція> Коренная пустынь» (Там же, л. 18).

⁵¹ 2 письма Фета К. Н. Леонтьеву публикуются впервые. Печатаются по автографу [Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 290 (К. Н. Леонтьев), оп. 1, ед. хр. 56, л. 1—8].

⁵² В четвертую годовщину смерти Каткова «Московские Ведомости» напечатали статью А. Шевелева «М. Н. Катков», в которой говорилось о необходимости увековечить память покойного публициста, во-первых, переизданием его работ, а во-вторых, монументом, который следовало бы установить на Страстном бульваре, против редакции газеты — на том самом месте, «гдѣ покойный Катковъ жилъ и свершалъ свой трудный подвигъ» (*Московские Ведомости*, 1891, 20 июля, № 198, 4). При этом Шевелев ссылался на слова Леонтьева, сказанные им еще при жизни Каткова: «Если бы у насъ, у русскихъ, была бы хоть искра нравственной смѣлости и того, что зовуть умственнымъ творчествомъ, то можно было сдѣлать и неслыханную вещь: *заживо политически канонизировать Каткова*. Открыть подписку на памятникъ ему, тутъ же близко отъ Пушкина на Страстномъ бульварѣ. Что за бѣда, что этого никто никогда и нигдѣ не дѣлалъ? Тѣмъ лучше! „Именно потому-то мы и сдѣлаемъ!“... Пусть это будетъ крайность, пусть это будетъ неумѣренная вспышка реакционнаго увлеченія. Тѣмъ лучше! Тѣмъ лучше! Пора учиться какъ дѣлать реакцію» (К. Леонтьев, *Восток, Россия и славянство: Сборникъ статей*, Москва 1885, т. 2, 152). Об отношении Леонтьева к Каткову см.: «Моя литературная судьба»: Автобиография Константина Леонтьева, Вступительная статья Н. Мещерякова, Комментарии С. Дурыллина, *Литературное наследство*, Москва 1935, [т.] 22/24, 478—479 примеч. 27.

⁵³ В рукописи: «наудачу».

⁵⁴ 9.V 1889 Фет написал стихотворение «На бракосочетание Их Императорских Высочеств В. К. Павла Александровича и В. К. Александры Георгиевны» (см.: А. Фет, *Вечерние Огни*, вып. 4, 24—25). Отзыв Леонтьева неизвестен. Сам Фет был стихотворением недоволен (см.: А. А. Фет, *Вечерние огни*, Издание подготовили Д. Д. Благой, М. А. Соколова, 2-е издание, Москва 1979, 332, 483, 738—739).

⁵⁵ Фету суждено было пережить Леонтьева († 12.XI 1891) на целый год.

⁵⁶ Мария Петровна Шеншина, в девичестве Боткина (1828—1894) — жена поэта.

⁵⁷ Стихотворение посвящено Ольге Константиновне (1851—1926), супруге греческого короля Георга I и сестре великого князя Константина Константиновича (К. Р.). Публикуемый ниже текст первой редакции этого стихотворения ранее считался утраченным (см.: Там же, 762).

⁵⁸ Ко времени написания этого стихотворения (1—2.VII 1891) в греческом королевском доме было шестеро детей (см.: П. Гребельский, А. Мирвис, *Дом Романовых: Биографические сведения о членах царствовавшего дома, их предках и родственниках*, Издание 2-е, дополненное и переработанное, С.-Петербург 1992, 140).

⁵⁹ Младший сын королевы Ольги принц Христофор родился в 1888 г.

- ⁶⁰ Это письмо К. Н. Леонтьева нам неизвестно.
- ⁶¹ То есть языческого.
- ⁶² Ср.: «<...> уже студентом-первокурсником Фет был непоколебимо убежденным атеистом <...> Непреклонным атеистом он остался до конца жизни» (Б. Я. Бухштаб, Указ. соч., 14—15).
- ⁶³ См.: В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора, С.-Петербург — Москва 1880, т. I: А — Э, 334.
- ⁶⁴ 4.VII 1891 Фет просил великого князя Константина Константиновича преподнести его стихотворение королеве Ольге в день ее рождения 11 июля (см.: А. А. Фет, *Вечерние огни*, Москва 1979, 762). По всей видимости, слова королевы Ольги Фету передал К. Р.
- ⁶⁵ 10.VIII 1891 Фет обратился к Константину Константиновичу с просьбой переслать королеве Ольге новый вариант стихотворения. Изменения в тексте Фет мотивировал замечаниями Леонтьева (см.: Там же, 762).
- ⁶⁶ Вероятно, новая редакция показалась Леонтьеву более удачной. Этот вариант послания вошел в состав 5-го выпуска «Вечерних огней» и впервые был напечатан посмертно в «Лирических стихотворениях» Фета (С.-Петербург 1894, ч. II, 318).
- ⁶⁷ Последним стихотворением Фета было написанное 23.X 1892 послание «Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу» (см.: *Московские Ведомости*, 1892, 29 ноября, № 331, 3).
- ⁶⁸ В рукописи ошибочно: «Вамъ къ моему».